

---

## КАФЕДРА

### СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ. МАРКСИСТСКАЯ ВЕРСИЯ (продолжение)

*Андрей Колганов*

*Колганов Андрей Иванович –  
доктор экономических наук,  
ведущий научный сотрудник МГУ.*

#### Раздел 3. Социализм

##### **Подраздел 3. Можем ли мы дать научную картину социалистического общества?**

##### **Глава 23. Научный социализм и опыт «реального социализма».**

Научный социализм не ставил и не мог ставить себе задачу представить во всей полноте картину будущего социалистического общества. Максимум возможного, что мог дать научный социализм – это сделать определенные, самые общие, выводы на основе развития противоречий капиталистического общества, и появления в недрах самого капитализма средств разрешения этих противоречий.

Так обстояло дело до того момента, как свершилась революция, взявшая на вооружение социалистические лозунги, и была предпринята попытка сделать социалистическое общество реальностью. С этого момента стало невозможно не считаться с практикой борьбы за построение социалистического общества. И сразу же возникла проблема: как быть, если эта революционная практика расходится с имеющимися теоретическими прогнозами (пусть и самыми абстрактными) относительно условий формирования и облика социализма?

Тот, кто попытается «в лоб» применить здесь известную формулу «практика – критерий истины», рискует оказаться в дураках. Дело в том, что *на самом деле* здесь мы имеем дело не с сопоставлением практики и теории, а с сопоставлением **теоретических выводов, сделанных на основе двух различных практик.**

Научный социализм стремится опереться в своих теоретических выводах на историческую практику всего предшествующего развития человечества, и в особенности – на практику развертывания противоречий капиталистического общества. Обобщения и выводы, которые можно сделать из опыта СССР и «мировой социалистической системы», опираются в основном на практику попыток формирования социалистического общества в странах, где для этого не созрели необходимые материальные предпосылки. Если это и социальный эксперимент, то поставленный для

---

*проверки совсем не тех разделов научного социализма, которые непосредственно касаются формирования коммунистического общества.*

Однако было бы столь же глупо отмахнуться от этого исторического опыта. Сколько бы ни были недостаточны предпосылки для движения к социализму, но они все же были, и исторической реальностью было формирование многочисленных общественных форм, выходящих далеко за пределы возможного и допустимого при капитализме. Поэтому опыт становления и функционирования общества «реального социализма» *обязательно должен быть принят во внимание*, но при обязательном учете того, что это – *не тот социализм, который является продуктом наивысшей точки развития и напряжения противоречий капиталистического общества.*

На что же из опыта «реального социализма» XX века мы можем опереться в построении более обоснованной теоретической картины социалистического общества? И что мы должны отбросить как чуждое, неорганичное социализму? Вот здесь на первый план выходят наиболее фундаментальные положения марксистского метода и теории научного социализма. Они дают нам критерии, позволяющие попробовать выделить в хаосе фактов *то, что относится к закономерным проявлениям именно коммунистической тенденции развития* – не исключая и новых, ранее неизвестных явлений и закономерностей.

Коммунистические тенденции, их основания в развитии производительных сил человеческого общества, материальные и социально-экономические предпосылки социализма, формирующиеся в рамках капиталистического общества – все это было рассмотрено в предыдущих главах, и нет необходимости повторять это здесь. Теперь нам предстоит использовать это знание, чтобы реконструировать социально-экономический строй социалистического общества.

Эта реконструкция выделяет три особых исторических периода: переходный период – период революционного перехода от капитализма к коммунизму, первую фазу коммунизма («социализм», неполный коммунизм), и высшую фазу коммунизма (собственно коммунизм). *Такая периодизация не носит твердо установленного наукой, или, тем более, нормативного характера, а выступает лишь как гипотеза, опирающаяся на наблюдение некоторых общих закономерностей исторического развития.* Пока исторический опыт XX века дает материал для подтверждения этого теоретического прогноза лишь относительно переходного периода, а также свидетельствует о том, что за пределами переходного периода может складываться отличная от него, более стабильная социально-экономическая структура.

При исследовании шагов становления коммунистического общества следует иметь в виду, что это переход не только от капитализма, но и от всей экономической общественной формации, и даже шире – от всей так называемой предыстории человечества. Поэтому производственные отношения коммунизма уже не являются в

полной мере экономическими отношениями даже на его первой исторической фазе, а производящая система общества может быть названа хозяйством, но не может быть в точном смысле слова названа экономикой.

Кроме того, ни в коем случае нельзя забывать, что коммунистическое общество с точки зрения марксизма – это вовсе не равнозначная какому-нибудь докоммунистическому способу производства историческая ступень. Способ производства после коммунистической революции, безусловно, меняется, поскольку меняются производительные силы, и соответствующая им система производственных отношений. Однако историческое развитие после коммунистической революции, в коммунистическом обществе, не сводится только к этой перемене. *Меняется сам способ исторического развития человечества* – и это гораздо более важная перемена, чем перемены в способе производства. Коммунистическая революция открывает тем самым не просто дорогу к новой исторической ступеньке с новым способом производства, а *дорогу к новой исторической эпохе*, где сам способ исторического бытия человека меняется (вспомним, что было сказано ранее о переходе от предыстории человеческого общества к его подлинной истории). Коммунизм *не завершается* становлением и утверждением нового способа производства – напротив, только тогда открывается дверь к подлинному историческому бытию человека.

Поэтому то, что мы сможем сказать ниже о социально-экономической системе коммунистического общества, составляет лишь некоторую часть действительного смысла коммунизма, как исторического движения.

#### Глава 24. Переходный период.

Переходный период от капитализма к первой фазе коммунизма характеризуется тем, что первоначальный уровень производительных сил унаследован от капиталистического общества и не может быть изменен в короткие сроки. А вот насильственное вмешательство в экономический строй, определяемое революцией, и в первую очередь вторжение в отношения собственности, весьма быстро меняют экономический базис общества.

«Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторы экспроприируют»<sup>1</sup>. Подобно тому, как капиталистический способ производства отрицает в своем развитии индивидуальную частную собственность, основанную на собственном труде, социалистическая революция отрицает капиталистическую собственность. «Это – отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собст-

---

<sup>1</sup> Маркс. К. Капитал, т. I. /Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.23. М: ИПЛ, 1960, с. 773.

венность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства»<sup>2</sup>.

Что такое эта индивидуальная собственность на основе общего владения? Мы можем обратить внимание на фразу из «Немецкой идеологии»: «...масса орудий производства должна быть подчинена каждому индивиду, а собственность – всем индивидам»<sup>3</sup>. Но как возможна такая собственность каждого на всё? Она возможна при двух предпосылках – если отношения присвоения основаны на всеобщем участии в самоуправлении, и если сам характер орудий труда таков, что делает возможным всеобщую собственность (а это происходит при превращении силы знания в первую производительную силу общества). Для полного завоевания этих предпосылок *недостаточно только предшествующего багажа, созданного капитализмом*, и требуется еще длительный период исторического развития.

Хотя волевое вмешательство в отношения собственности является необходимым шагом для их преобразования, одного его совершенно недостаточно, чтобы изменить их экономическую природу. В.И. Ленин недаром вынужден был подчеркнуть в 1918 году различие формального обобществления собственности и обобществления на деле.<sup>4</sup> Основной вопрос в том, какие реальные производственные отношения будут складываться в новой правовой оболочке. Собственность юридически перестает быть частной и становится государственной. А что это значит с экономической точки зрения? Ответ на этот вопрос зависит от того, во-первых, какова классовая природа государства, чьи классовые интересы выражает государственный аппарат, получивший в свои руки средства производства; и, во-вторых, от того, на основе каких реальных производственных отношений государственные средства производства будут приведены в действие. Ленин писал о налаживании «чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающей планомерное производство и распределение продуктов», как о главной задаче социалистической революции.<sup>5</sup> Процесс налаживания этих новых отношений есть заведомо процесс длительный; они не возникают «вдруг», в результате принятия тех или иных декретов.

Итак, становление производственных отношений и институтов социалистического общества происходит не мгновенно, и само наличие переходного периода как раз и

<sup>2</sup> Маркс. К. Капитал, т. I. /Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.23. М: ИПЛ, 1960, с. 773.

<sup>3</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т. 3. М: ИПЛ, 1955, с. 68.

<sup>4</sup> См.: Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. Соч., т.36, с. 171.

<sup>5</sup> См. там же.

определяется историческим процессом становления социалистических производственных отношений и постепенного отмирания, разложения отношений капиталистического общества (да и экономической общественной формации в целом – должны, например, отмирать внеэкономическое принуждение, товарные отношения и т.д., хотя в пределах переходного периода эти процессы еще не находят завершения).

Таким образом, в переходный период сосуществуют качественно разнородные производственные отношения (новые, социалистические, и унаследованные от капитализма), что проявляется как наличие нескольких социально-экономических укладов: капиталистического, мелкобуржуазного, социалистического и явно переходного государственно-капиталистического уклада (развитие капиталистических отношений под прямым контролем пролетарского государства). *Переходное общество является многоукладным.* Поскольку чистый капитализм является абстракцией, то реальное капиталистическое общество (даже весьма развитое) несет в себе остатки прошлых хозяйственных систем. Особенно серьезное значение эти остатки приобретают в том случае, когда революция совершается при относительно незрелых социально-экономических предпосылках. Тогда докапиталистические отношения могут образовывать даже самостоятельные уклады. Так это было в СССР, где, помимо перечисленных, присутствовал также и патриархальный уклад (включавший мелкотоварное производство, т.е. систематическое производство на продажу только небольших излишков, и чисто натуральное, замкнутое хозяйство).

Переходный характер такой социально-экономической структуры характеризуется не только ее многоукладностью. На самом деле каждый из укладов (не только упомянутый выше государственно-капиталистический) также носит переходный характер, что определяется наличием в них *переходных производственных отношений*. Для таких отношений свойственно соединение элементов как присущих, так и не присущих данному экономическому укладу – либо унаследованных от прошлого, либо являющихся симптомами разложения данного уклада и перехода его к более высокой исторической ступени. Переходный характер коммунистических производственных отношений не преодолевается полностью в течение переходного периода и отчасти сохраняется на первой фазе коммунизма (что и определяет ее характеристики как незрелого коммунизма).

Насильственное вторжение в отношения собственности не является произвольным. Оно предпринимается лишь там, где созрели достаточные социально-экономические предпосылки для формирования социалистических производственных отношений (напомню – когда я говорю здесь «социалистические», речь идет о незрелых коммунистических отношениях). Поэтому, например, большевики предполагали сначала экспроприацию (национализацию, передачу в государственную собственность) лишь банков и крупных монополистических объединений, а на следующей ступени – всей крупной промышленности (железные дороги, телеграфная и поч-

---

товая связь и так находились в государственной собственности). Мелкое капиталистическое производство, а тем более – мелкобуржуазный уклад и крестьянское производство – считались вовсе не подлежащими национализации. Их преобразование должно было произойти постепенно, главным образом под воздействием экономических преимуществ обобщественного социалистического производства.

Однако в исторической реальности, сначала под воздействием жесточайших условий гражданской войны, а затем (после короткого периода легализации многоукладности в годы НЭПа) в результате применения методов бюрократической централизации хозяйства для проведения догоняющей модернизации, эти планы были полностью нарушены. Произошло навязывание социалистических по внешней форме отношений хозяйственным укладам, не создавшим еще для этого необходимых (не говоря уже о достаточных) социально-экономических предпосылок.

По отношению к крестьянскому хозяйству (как и по отношению к мелкому ремеслу) метод экспроприации считался абсолютно неприемлемым. Для его преобразования в крупное социалистическое – минуя исторический этап капиталистической экспроприации мелких производителей – предполагался длительный период постепенного объединения мелких производителей города и деревни в различные типы кооперативов. Крупные кооперативные объединения становились способными применять современную машинную технику, и тем самым создавать материально-экономические предпосылки для формирования в последующем на этой основе социалистических отношений.

Не следует все же представлять себе даже идеальный образ переходного периода как идиллическую картину мирного сосуществования и соревнования различных укладов. Разные производственные отношения определяют и разные экономические интересы, ведущие к конфликту между этими укладами, тем более, когда речь идет о том, кому из них в обозримой исторической перспективе суждено развиваться, а кому – отмереть. Вопрос «кто – кого?» является реальным вопросом переходного периода. Поэтому социалистический уклад должен доказать свою более высокую социально-экономическую эффективность, опираясь, разумеется, на поддержку государственной власти. К сожалению, этого не было достигнуто в СССР. Изживание не социалистических укладов чем дальше, тем больше сводилось к методам административного нажима (сверхвысокие ставки налогов и аренды, отказ от поставки сырья и материалов из государственного сектора, принудительное огосударствление, «коллективизация», «раскулачивание» и т.п.).

В то же время различные уклады, существующие в единой системе национально-го хозяйства, не могут не взаимодействовать между собой и в какой-то мере не могут существовать друг без друга. Способом их экономической связи первоначально выступает рынок, хотя со временем в эту рыночную связь начинают постепенно прони-

кать плановые элементы, по мере их становления и укрепления в социалистическом укладе (работа на определяемый планом заказ социалистического уклада; поставка товаров социалистическим укладом, также определяемая его производственным планом; плановое финансирование и кредитование и т.п.).

В СССР в переходный период прилагались чрезвычайные усилия, чтобы поднять уровень производительных сил, явно недостаточный для формирования социалистического общества. Основными составными частями этих усилий были: индустриализация, коллективизация крестьянских хозяйств и культурная революция. Индустриализация была призвана обеспечить завершение промышленного переворота и превращение промышленности в преобладающую отрасль народного хозяйства. Коллективизация крестьянских хозяйств должна была обеспечить растущую индустрию со стороны аграрного сектора: увеличить поставки сельскохозяйственного сырья и продовольствия, а также, за счет увеличения производительности труда, обеспечить перелив рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность. Культурная революция была нацелена на достижение всеобщей грамотности населения и развертывание массовой подготовки специалистов с высшим образованием. Эти задачи в первом приближении были решены к концу 30-х гг. XX века (а в более или менее полном виде – в 60-е гг.).

Однако решение этих задач вовсе не означало, что в СССР созданы необходимые материально-экономические предпосылки для социализма. Можно легко убедиться, что к концу 30-х гг. *в лучшем случае* была создана материальная база для более или менее развитого, но вовсе не самого высокоразвитого (для того исторического периода) капиталистического общества.

Значительной проблемой в формировании социалистических производственных отношений в СССР в 20-е – 30-е гг. был тот факт, что применение методов бюрократической централизации хозяйства для проведения догоняющей модернизации имело двойственное влияние на «строительство социализма». С одной стороны, происходило форсированное подтягивание к материальным предпосылкам социализма (хотя полностью дистанция до них так и не была пройдена). С другой стороны, одновременно происходило разрушение или выхолащивание уже имевшихся, пусть и весьма ограниченных, социально-экономических предпосылок социализма (акционерные общества, кооперативы, свободные профсоюзы...). Они не превращались в более прогрессивные социалистические институты, а заменялись институтами, основанными на бюрократическом централизме и принудительном коллективизме.

В итоге переходного периода должно произойти отмирание (полное или почти полное) несоциалистических укладов, и превращение в основном переходных производственных отношений в целостную систему социалистических производственных отношений. В СССР этот процесс так и не был завершен, хотя формально все произ-

водственные отношения во второй половине 30-х годов стали выступать в социалистической оболочке.

Вместе с преодолением многоукладности в переходный период происходят глубокие сдвиги в социальной структуре общества. Исчезают эксплуататорские классы, а трудящиеся классы приобретают значительно бóльшую однородность. Мелкие собственники и наемные работники сливаются в одну социальную группу работников – совладельцев обобществленных средств производства. Однако полного исчезновения классовых различий не происходит, поскольку сохраняется подчинение работников разделению труда (горизонтальному – между умственным и физическим трудом, аграрным и индустриальным, квалифицированным и неквалифицированным; и вертикальному – между управляющими и управляемыми).

В СССР за 20-е – 30-е гг. XX века были полностью ликвидированы классы капиталистов, помещиков, почти полностью – мелкая буржуазия, а все разновидности мелких собственников (от мелких буржуа до патриархального крестьянства) либо превратились в кооперированных производителей, либо перешли в разряд наемных работников. Фабрично-заводской рабочий класс значительно вырос и в абсолютной численности, и в удельном весе. Одновременно значительно вырос слой государственной бюрократии. Однако ликвидация экономических условий существования враждебных классов не означала физического устранения носителей прежних классовых отношений. Миллионы людей во многом сохраняли традиции, навыки, привычки, социальную психологию тех общественных классов, в рамках которых они сформировались как личности.